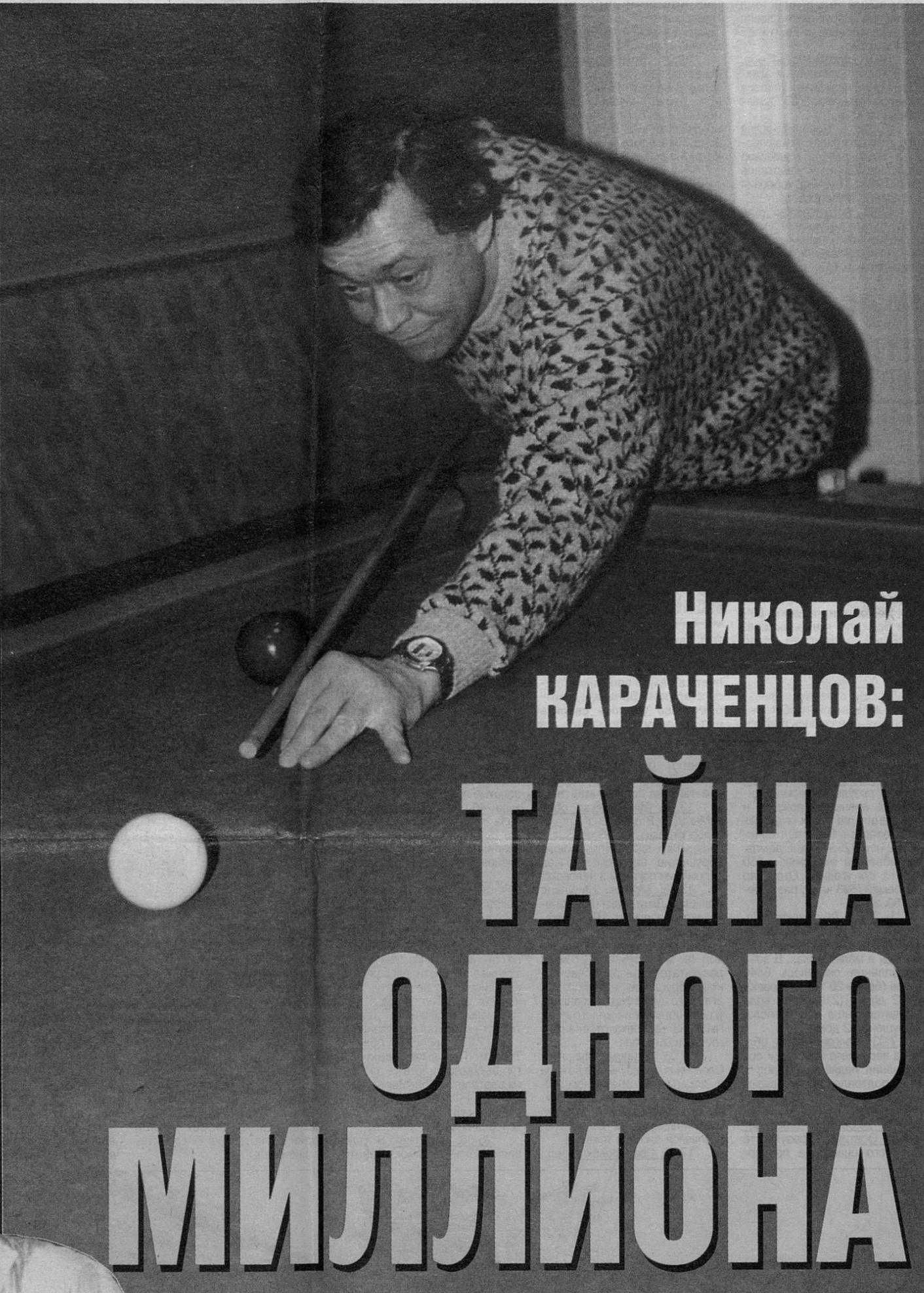
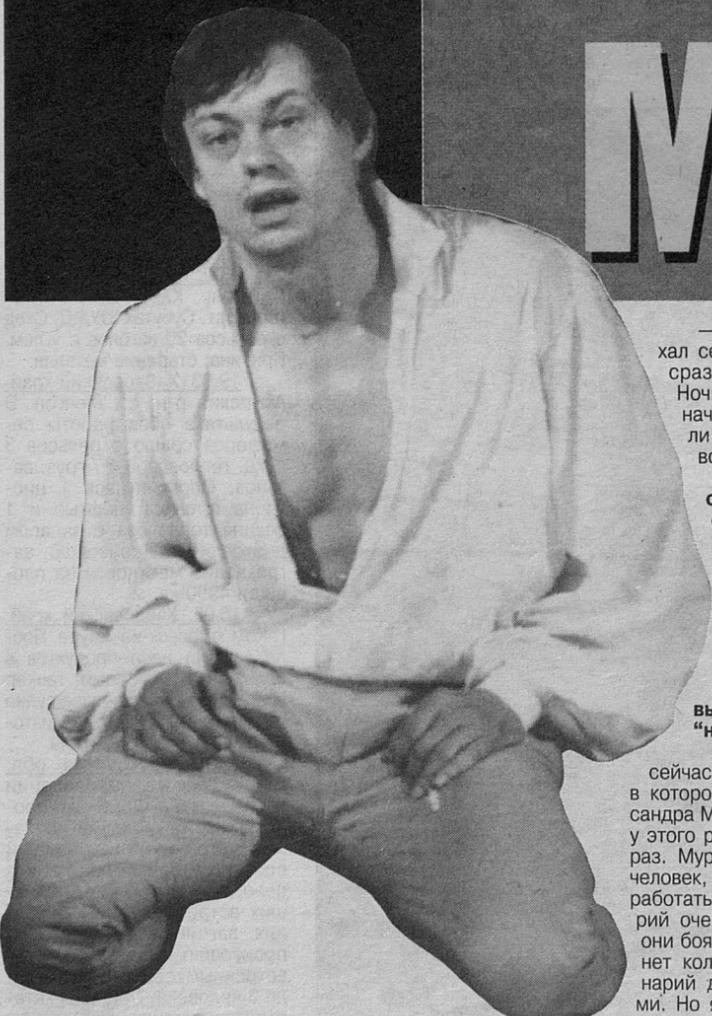

Вика САРЫКИНА

Энергичный. Энергичный до-не-льзя. Даже вот, сидя в пустой гримерке "Ленкома" (сезон давным-давно закончился), раскуривая любимую "Приму", и то умудряется выплескивать энергию. Взглядом, взмахом руки — непонятно. Это невозможно объяснить, только на уровне ощущения. Неожиданно вскакивает, трогает гримерный столик, словно наличие пыли проверяет, разводит руками. Ящики туда-сюда: "Это мое рабочее место". Ну что остается делать бедной девушке? Только рот открыть.

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

ТАЙНА ОДНОГО МИЛЛИОНА

— Не выспался. Приехал сегодня домой утром, сразу спать лег. Что? Ночные съемки. Завтра начнутся дневные, вряд ли бы уже смог с вами встретиться.

— Да-а, два месяца безуспешного отлова вас...

— Это вы хорошо сказали: "отлова".

— А как еще назвать это безобразие, Николай Петрович? В "Ленкоме" каникулы, а вы постоянно где-то "на работе".

— Дело в том, что я сейчас снимаюсь в картине, в которой 20 серий. У Александра Муратова. Я снимаюсь у этого режиссера не первый раз. Муратов — талантливый человек, мне интересно с ним работать. По-моему, сценарий очень хороший, правда, они боялись, что меня отпугнет количество серий, сценарий давали читать частями. Но я читал его запойно.

Даже звонил: "Где продолжение? Давайте же скорее!"

— Съемки в Москве и Питере? Вы постоянно в отъезде, такое впечатление, что фильм снимается в нескольких городах.

— Что касается моих мотаний в самые разные города... Это дела гастрольного порядка. Я ездил полтора месяца назад с сольными концертами в Австралию. После этого был в Сургуте, Смоленске, Саратове, Батуми, в Сочи на три дня на "Кинотавр" приехал. Два дня назад вернулся из Риги и уже снимаюсь здесь... А в Питере я закончил картину "Цирк сгорел, и клоуны разбежались" — она уже вышла. И сейчас основная работа у Александра Александровича Муратова, рабочее название картины "Перемена мест". Я думаю, к концу зимы она будет готова.

— А у вас бывало, когда приходилось сниматься сразу в нескольких картинах?

— Бывало, но, когда они идут взахлест, очень тяжело.

— Взахлест — это сколько одновременно съемок?

— Вот если человек снялся за год в пяти фильмах — это очень много. Но я в первую очередь актер театра, играю по 10 спектаклей в месяц. А помимо этого я еще записываю новые песни, диски и еще снимаюсь на телевидении. Позавчера я снялся в одной телепередаче, а потом записывал закадровый текст к документальному фильму о Вячеславе Фетисове — сидел до ночи и боялся, что опоздаю на футбол.

— Вам кто-нибудь составляет расписание?

— Сам.

— И так всегда было — работа, работа, работа?

— Не совсем. В кино меня начали снимать далеко не сразу. Я не тот удачник, который снимается, не вылезая, с третьего курса. Лет пять-шесть меня не снимали вообще. На ТВ мы все работали — в телеспектаклях. Я много работал на радио, на сцену выходил практически каждый

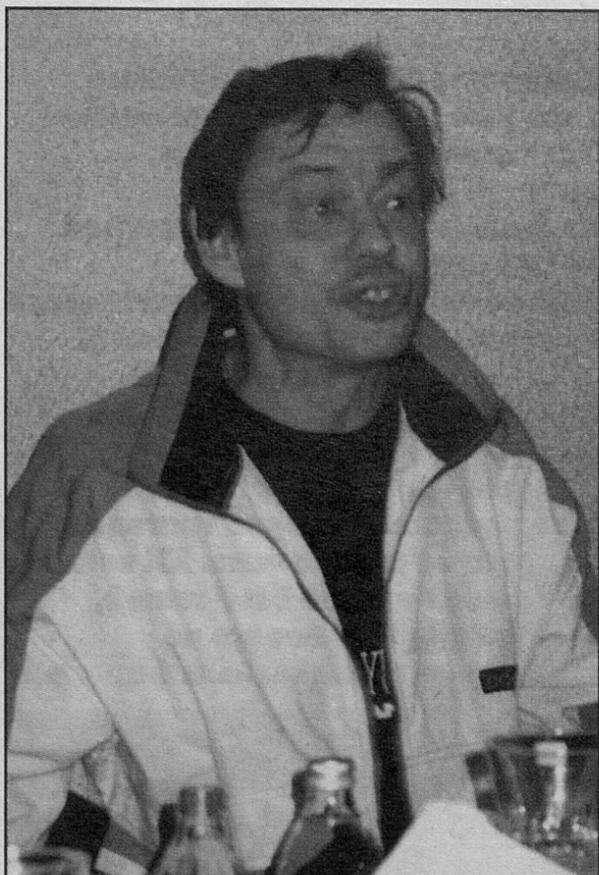
день, играл по 30—40 спектаклей. Вот с этого я начинал, а не с кино. И это, наверное, очень хорошо. Мы все приходим в театр еще очень зелеными, мало что умеющими в профессии.

— Вы когда-то были зажатым, молодым человеком с комплексами?

— Я не знаю человека, который бы об этом открыто сказал. Если напротив него сидит не психотерапевт. Наверное, у меня миллион недостатков, в том числе и профессиональных. Но шиш я вам об этом скажу.

— Да я и не спрашиваю о сегодняшнем профессионале Караченцове. Я спрашиваю о молодом и начинающем Караченцове.

— Ну, вы знаете, стоит сказать: "Был корявый, зажатый, ужасный...", сразу же подумают: "Ну-у-у, он и сейчас актер неважный". Единственное, что я могу сказать, — надеюсь, что прогрессирую. Более того, я сейчас иногда

Мне рассказывали историю про Федора Ивановича Шаляпина, который был гениальный певец и актер. Финал "Бориса Годунова". И он должен был умирать на троне — трон стоял на высоченной лестнице, — он на него карабкался и умирал. И вот однажды он карабкался-карабкался, потом вдруг зацепился рукой за трон, обмяк и кубарем скатился по лестнице вниз. Закрылся занавес, все кинулись к нему из-за кулис: "Что с вами, Федор Иванович?" А он встал и сказал: "Я увидел, как какой-то идиот с пятого яруса выронил программку. Она начала летать, и я понял, что это может отвлечь внимание зрителя. Нужно было сделать что-то такое, что-то такое выкинуть, чтобы смотрели только на меня". И Шаляпин это сделал.

— Вам тоже приходится прибегать к подобным приемам?

— Иногда — да. И приемы бывают очень простые, известные. Для меня.

— Сколько альбомов вы записали?

— Четыре, кажется... Пять! Пять альбомов. Но тут такая вещь: у меня нет моих сборных альбомов. Они объединены, например, одним ав-

— Я любил это дело всегда. Я вырос, отдыхая каждый год в святом месте — бывшем имении Островского (потом имение стало домом отдыха Малого театра, потом домом отдыха ГТО). И я приболел к этому месту, прикипел — красотища там невероятная. Вы когда-нибудь слышали, как у костра, на обрыве, со слезами на глазах абсолютно молодой Николай Сличенко поет грандиозное: "Милая, ты услышь меня...", потому что у него дочь родилась? А я вот слышал. Тут волей-неволей запоешь.

Но если бы я не попал в "Ленком", все бы кончилось гитаркой, домашним пением. Здесь же у нас появился профессиональный музыкальный ансамбль "Аракс". У нас появились педагоги по вокалу, микрофоны, музыкальные спектакли. Мы стали учиться. Я начал заниматься дыхательной гимнастикой, учиться распеваться, работать с композиторами, очень требовательными композиторами.

Вообще музыкальность актера — дело хитрое. Тонко слышать музыку спектакля, органично в него войти, не сфальшивить. Евгений Павлович Леонов, царство ему небесное, говорил: "Дайте мне ружье, чтобы я убил того медведя, который наступил мне

юаре на балконе. Я говорю: "Да я только провопить могу!" А Геннадий Гладков, композитор этого фильма, говорит: "Так здесь это и надо!" И потом пришлось петь еще в каком-то музыкальном спектакле, потом где-то еще, а потом наступил момент, что называется, "дорвался". До настоящего микрофона, настоящей студии, настоящих наушников. Я соглашался на все. Но позже, когда я допер, что я певцом не буду никогда и соревноваться с Паваротти бесполезно, я успокоился. Но я все равно этим занимаюсь: мне нравится, что песню можно не столько спеть, сколько сыграть. Как это делали Марк Бернес, Леонид Утесов, Андрей Миронов. Как это блистательно делают Алиса Фрейндлих, Елена Камбурова, Лариса Голубкина.

И вот таким образом, извините за пространный рассказ, я попал в это дело. (И таким же спокойным тоном неожиданно.) Но наше время истекло.

— Как истекло? Я смотрю на часы!

— Здорово, кума! Мы же договорились!

— Нет-нет, нет-нет, еще минут 20 есть.

— Вот часы.

— Ну мы так можем еще полчаса препираться!

— Полчаса не будем... Но у меня же все расписано (обижено так).

— 10 минут!

— Семь. И ни копейки больше.

— А правду ли говорят, что профессия актера настолько поглощает личность, что даже в самые страшные моменты подсудно думаешь: "Ага! Вот эту сцену нужно запомнить"? Какая-то актриса рассказывала, что однажды на похоронах даже испугалась — она заметила, что подосознательно запоминает роль скорбящей женщины.

— Знаете что... Актёрская профессия страшна тем, что в каждом из актеров сидит невероятный наблюдатель. Я помню жутковатый рассказ одной актрисы, у которой на руках умирал муж. Действительно, самый любимый человек в ее жизни. И она где-то, в подкорке, подсматривает, КАК он умирает. Она призналась потом, что с ней случилось. Но это сидит в каждом актере.

Нехорошо подглядывать в чужие окна. Но в институте нам говорили: "Вот посмотрите в это окно. Посмотрите и нафантазируйте, что за жизнь там? Какие люди там живут, чем занимаются, сколько лет они вместе?". И все это идет в мою копилку, в мой багаж.

— А в любви, в любви вам приходилось так подглядывать?

— Нет.

— Интересно, как жены актеров сохраняют свою нервную систему при бесконечных съемках, гастролях, поездках мужей?

— У меня жена тоже актриса. Но я скажу одну вещь: я не знаю, насколько это связано с профессией актера, но, если ты, веря своему близкому человеку, человеку, которого ты любишь, вдруг в чем-то усомнишься, значит, в ваших отношениях что-то не все в порядке.

— Вы человек, про которого можно сказать: восприимчивый, открытый, вспыльчивый?

— Я пытаюсь следить за собой. Я должен уметь владеть собой. Не всегда получается. Иногда за некоторые свои поступки я очень себя корю.

— Вы обижаетесь, если режиссер вам делает какие-то замечания, кричит, поправляет?

— Есть такая актерская теория: если кто-то делает тебе замечание, будь благодарен. Значит, в тебя верят. Я помню, Захаров перестал мне делать замечания. Я так испугался, подумал: "Наверное, он на меня плюнул и ищет другого актера". Хотя это был педагогический ход: с самого начала работы он накидал столько замечаний и, наверное, почувствовал, что мне необходимо все это переварить.

Замечания нужны обязательно. Это взгляд со стороны. Потому что мы себя часто завываем. Я понятно излагаю?

— Более чем... Скажите, актеры часто впадают в депрессию?

— Бывает. Я вам так скажу: по большому счету, то, что я натворил в этой жизни, в профессии, процентов 80 — брак. Но! Но! Но без этой работы не было бы остальных 20 процентов. А если что-то из моего брака вам нравится, я ни за что не скажу, что это был брак. Это мои проблемы. И никогда не нужно говорить о своих недостатках. Моя профессия — профессия на людях.

— Вы устаете?

— Нет, нет и нет. Мужчины не имеют права соединять слово "я" со словом "устал". Он может сказать лишь раз в жизни: "Нет больше сил" — и умереть.

— Вам иногда хочется побыть самим собой?

— А я всегда остаюсь самим собой. Я с вами был самим собой. Я ни в кого не играл. Ни в артиста Караченцова, ни в графа, ни в шута. Вот я такой. Правда, сегодня с усталыми глазами после бессонной ночи...

Фото из семейного архива.

А.Калягин и Н.Караченцов. Сцена из спектакля "Чешское фото".

себя осаживаю, я действительно считаю, что еще очень много не умею. Все время ставлю перед собой планочки, пытаюсь куда-то карабкаться.

— Я почему говорю об этом? Очень интересно знать, что помогает молодому актеру пробиться, несмотря на комплексы и зажатость? Наглость?

— Наглость — это дурное человеческое качество. Хорошее качество — раскрепощенность. Есть даже такое выражение у старых МХАТовцев — "нахалин". Это в актерской профессии считается очень хорошим качеством. В отличие от наглости и нахальства. И да, это следует в себе воспитывать. Как? Для того чтобы объяснить, нужно поступить в театральный институт, потом пройти мучительные годы обучения, а потом еще поработать лет 15—20 в профессии.

Каждый человек волнуется, когда выходит на люди. Кто-то больше, кто-то меньше. Независимо, громадный ли это Дворец спорта, концертный зал или рабочее собрание коллектива. Человек покрывается пятнами, начинает краснеть, чувствует сухость во рту. Но кто-то бывает убедительным, а кто-то говорит бессвязно. И как сделать так, чтобы волнение тебя не зажало? Вот этим я пытаюсь заниматься последние 30 лет. И иногда получается.

Я думаю, любой актер, выходя на сцену — как бы знаменит и мастит он ни был, — все равно волнуется. Если он не волнуется, значит, он не очень хороший актер. Или профессия перестала быть для него радостью. И чем значимее актер, тем он больше волнуется, — он должен подтверждать свою величину, свой профессионализм. А каждая новая роль — белый лист, каждый раз можно вляпаться.

Вот нашим театром руководит один из самых великих сегодня театральных режиссеров Захаров. Он говорит, что амплитуда колебаний качества спектакля существует всегда. Она зависит от погоды, настроения актера, профессиональной базы. Но тем не менее всегда остается планочка, ниже которой никто не может опускаться. И если все плохо, и я иду по грани этой планочки, все равно публика должна в конце сказать: "Как здорово!" Да, у нас есть понятие вдохновения — как говорит моя любимая актриса Инна Чурикова: "Звенит колокольчик", — но иногда бывает, что не звенит. И тогда задача "как себя собрать". Татьяна Ивановна Пельтцер всегда приезжала за полтора часа до начала спектакля, хотя могла быть занята в конце спектакля. Волновалась безумно, ей

было все важно. Сама Пельтцер! А что ей, казалось бы: ведь когда она выходила, зал стоя аплодировал — "спасибо, что вышла!".

— У вас бывает, когда вы чувствуете: все, провал!

— Бывает, когда трудно идет. Я чувствую зрительный зал. Есть понятие "трудного зала". Оттого ли, что жара на улице или что людям не выплачивают зарплату? Или приходит человек, слышанный о том, что спектакль убийственно хорош, и он хочет, чтобы ему актеры это доказали. Я уже не говорю о том, что есть высокообразованный театральный зритель, а есть безграмотный театральный зритель. Зал — это совершенно разношерстная масса. Если так можно сказать — месьиво людей. Но если во время спектакля они эмоционально заражены, потрясены, значит, в этом заслуга актера.

— Я столько раз читала про "энергию зала". Но что это такое? Как вы чувствуете эту энергию? По кашлю, хлопкам?

— Конечно. Ну вот, например, закончился спектакль, я выхожу, а в зале осталось два-три человека. Все ушли в гардероб, значит, им не понравилось.

— А в процессе?

— А в процессе есть понятие "разной тишины". Бывает благостная тишина, бывает очень напряженная, бывает тишина, когда я понимаю: "Я могу держать зал и длить паузу сколько угодно, и зритель будет следить за мной, не отрываясь". А бывает то, что вы говорите, — кашель, номерки падают.

— Вы смотрите во время спектакля в зрительный зал?

— Я смотрю в зал, но никогда не вижу лиц, я чувствую его целиком.

тором. С привязкой какой-то. Мы как-то гуляли с Максом Дунаевским, и он говорит: "Мы никогда не запишем диск. То ты на два часа заедешь, то уедешь на какие-нибудь съемки". А время студии расписано. И иногда приходится репетировать в машине — просто нет времени подготовиться.

— Николай Петрович, как это понимать? Москва, пробка, за рулем сидит артист Караченцов и поет?

— Да.

— А что вас вообще подтолкнуло петь?

на ухо". Но он был удивительно музыкальным, тонко слышал музыку спектакля, его внутренний ритм.

Мне всегда хотелось петь, это как запретный плод. Как комики, которые хотят сыграть трагедийные роли, как балетные хотят сниматься в кино. Мне всегда было это интересно. Как это началось? В картине "Собака на сене" я должен был петь серенаду. А серенада для меня — это обязательно тенор, это душная влажная сексуальная ночь, это цикады, она в белом пень-

Сцена из спектакля "Юнона и Авось".